

Сериал
"Бизнесмены"

наталья

НИКОЛЬСКАЯ

Наталья Никольская
Жертва Сименона
Серия «Близнецы»

предоставлено правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168689

Аннотация

Детектив Натальи Никольской из серии «Близнецы»

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	52
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Наталья Никольская

Жертвы Сименона

Глава первая

Ольга

– ...Айседора, опомнись! Ты ведешь себя просто глупо! Ведь еще сегодня утром ты хотела никогда со мной не расставаться...

От неожиданности я чуть не выронила тяжелую сумку. Вот это имечко! Разумеется, после этого я просто не могла не уставиться в сторону парочки, которая вполголоса выясняла отношения чуть поодаль от подножки девятого вагона поезда Москва – Тарасов.

Честное слово, эта парочка того стоила! Высокая белокурая молодая женщина прятала глаза за темными очками, но они не могли скрыть, до чего она хороша собой. Но еще больше, чем красота, поражали ее ухоженность и... Как бы это получше выразиться? Соответствие отдельных деталей друг другу, и всех их вместе взятых – высшему классу. Каждая мелочь в ее облике – от белого шарфа, удерживающего волосы в шелковом плену, до туфельек, стоивших кучу денег, – была без промаха, в «десятку». И это было прекрасно извест-

но «женщине в белом».

Разглядывая ее сквозь собственные солнечные очки, я невольно вспомнила старый анекдот. В восемь утра в переполненном троллейбусе мужчина бесцеремонно пихает локтем одну из пассажиров. «Как вам не стыдно, – пеняет ему рассерженная дама, – вы толкнули женщину!» – «Женщину? Помилуйте, в этот час женщины еще в постели!». Так вот: как психолог с ученой степенью я была готова поспорить на что угодно, что эту женщину вы не встретите в час пик в городском транспорте. Да, пожалуй, и в любой другой час тоже: таким экземплярам куда больше к лицу шикарная иномарка.

Мужчина, сжимавший женщине запястья, подходил ей так же, как подошли бы шестисотый «мерседес» или «кадиллак»: такой же породистый. Быть может, лет на пять постарше своей подружки-блондинки – которая, кстати, вряд ли была моложе меня, хотя претендовала на абсолютную юность, – этот тип был из тех, что обречены на вечный успех у представительниц прекрасного пола. Чтобы сделать такое заключение, мне вовсе ни к чему было обращаться за помощью к психологической науке – все, что надо, мне подсказало женское чутье.

Я подавила вздох сожаления – ведь этот красавчик не меня уговаривал, нежно держа за ручки! – и сделала вид, что сосредоточенно роюсь в сумочке в поисках билета. «Айседора». С ума можно сойти!

Между тем та, кого называли Айседорой, без всякого со-
страдания к ранимой мужской натуре вырвала свои лапки из
смуглых ладоней бойфренда – ах, как соблазнительно под-
черкивал его оливковую мускулатуру светлый хлопчатобу-
мажный пуловер!

– Пусти меня! Негодяй... «Никогда не расставаться»! И
это после того, как я своими глазами видела, как ты лез под
юбку к этой худосочной прокуренной кляче!!!

Однако! Чтобы не выдать своего смущения внезапно на-
хлынувшим румянцем, я еще ниже склонилась над сумкой и
поспешила юркнуть за широкую спину какого-то дядечки с
двумя огромными баулами.

– Не смей так о ней! Она безумно талантливая женщина...

– О, это я заметила! У нее талант падать на спину. Да от-
пусти же ты меня, наконец!

Так как свои решительные высказывания Айседора со-
провождала не менее решительными действиями, мужчине
не оставалось ничего другого, кроме как применить силу. Ре-
шительно схватив в одну руку изящный кожаный чемодан-
чик, принадлежащий, по всей видимости, его собеседнице, а
в другую – ее самое, он потащил брыкающуюся блондинку в
сторону вокзала. Вскоре их скрыла густая толпа пассажиров,
растекшаяся по перрону.

Бритоголовый крепыш в черном плаще до пят, который
донельзя комично смотрелся на его короткой коренастой
фигуре, перехватил мой взгляд.

– Во дает!

Я неопределенно покачала головой. Интересно, кого он имел в виду – мужчину или женщину? Или их обоих? Но почему тогда «дает», а не «дают»?...

Пока я стояла, углубившись в свои филологические изыскания и в сумочку, в которой безнадежно сгинул мой билет, бритоголовый деловито подхватил мою дорожную сумку.

– Ваша?

– Моя! – Позабыв про билет, я вцепилась в свою собственность. – Зачем вы ее схватили?!

«Крутой» смерил меня странным взглядом.

– Как это – «зачем»? Хочу «сделать ноги» с вашей сумкой, разве не ясно?

Я почувствовала, как земля уходит у меня из-под ног, а в глазах потемнело от ужаса. До чего же беспардонный пошел вор! Полина предупреждала меня, чтоб в столице я держала ухо востро, но такая откровенная наглость даже ее обескуражила бы. А мне, бедной и беззащитной, что мне-то теперь делать?!

– Помогите! – крикнула я, но не услышала своего голоса...

Грабитель, однако, не пытался скрыться с моей сумкой: я ощущала, как она все еще оттягивает мне руки, и это меня чуть-чуть успокоило. Когда туман, заставший глаза, рассеялся, я увидела, что вокруг столпились люди, а крепыш в черном плаще сумрачно озирается по сторонам.

– Все нормально! Нормально все, понял? Я помочь ей хотел, а эта... Вцепилась в свое барахло, как будто я и правда хотел с ним сдернуть!

– Вы же сказали, что хотите... украсть! – пролепетала я, вконец смутившись под насмешливыми взглядами.

– Пошутил! Да теперь вижу, что неудачно. Вы, девушка, в натуре такая, или придуриваетесь?

Может, моя сестра Полина и нашлась бы, что ответить на подобный вопрос, но я – увольте! Я лишь чувствовала, что сейчас провалюсь сквозь землю.

– Извините меня, молодой человек... Я думала, вы и правда хотите...

– Е-мое! – Парень красноречиво воздел глаза к небу и, описав ими полукруг, опять уперся мне в переносицу. – Да нужна мне твоя сумка, как кобелю презерватив... Хм... Я хотел сказать, у меня в Тарасове три склада забиты этим барахлом, стану я с какой-то сумкой мараться.

Я уже достаточно пришла в себя, чтобы возмутиться.

– Вы не у себя на складе, так что не распускайте язык. Всего хорошего, я в вашей помощи не нуждаюсь.

– Ну-ну.

Бритоголовый равнодушно отвернулся, как будто меня вовсе не существовало, и молча предъявил проводнику свой билет. Однако в вагон проходить не стал, а отошел в сторонку и закурил.

– Девушка, так вы едете или нет? Отправление через пять

минут!

Эта речь была обращена явно ко мне, и произнес ее проводник. Наверно, ему надоело, что я все время мельтешу под самым его носом.

Боже, всего пять минут! А ведь я еще хотела купить чего-нибудь попить в дорогу... Я с удвоенной скоростью закопошилась в сумочке, но проклятый билет никак не хотел находиться – словно растворился! При мысли, что я запросто могла забыть его в гостинице или потерять в такси, мои волосы встали дыбом, а к горлу подступила тошнота. Бедная я, несчастная! И за что мне такие страдания: командировки, вокзалы, билеты, грабители и глупые шутники... Если б в запасе у меня оставалось чуть побольше времени, возможно, я даже упала бы в обморок от страха, растерянности и жалости к себе. Однако в условиях жестокого цейтнота позволить себе эту роскошь не могла. Здесь нет ни моей дорогой сестры Полины, ни Кирилла Козакова – хоть и бывшего, но все еще не чужого мужа, ни моих дорогих малышей... Некому совать мне под нос нашатырь и отпаивать валерьянкой. Если я упаду в обморок – то так и останусь лежать на грязном перроне, а поезд уйдет в Тарасов без меня. Уж конечно, ни проводник, ни, тем более, этот бритоголовый грубиян, которого я отшила, не подумают мне помочь! Мои вещи унесут настоящие воры, а меня саму в конце концов подберет милиция и посадит до выяснения личности в каталажку вместе с бомжами, попрошайками и проститутками... Какой кош-

мар!!! Нет уж, с обмороком придется подождать до лучших времен.

Наконец, заветный клочок бумаги, сложенный почему-то гармошкой, выпал из носового платка, который я встряхнула, наверное, в двадцатый раз. Я с победным видом сунула его проводнику под нос – разумеется, билет, а не платок. Тот изучал его, как мне показалось, гораздо дольше, чем требовалось, но в конце концов вернул мне и неохотно буркнул: «Пожалуйста». Уж не знаю, чем я ему не угодила.

Я спрятала билет обратно в сумочку – разумеется, тут же позабыв, куда именно, – и в растерянности остановилась перед высокой подножкой вагона.

Втащить тяжелую дорожную сумку в поезд – это был для меня едва ли не самый трудный этап пути! От гостиничного номера до такси и от такси до вагона – на этих отрезках помощники всегда найдутся, либо добровольные, либо платные. Но как только вокзальный носильщик сгружает твою кладь со своей тележки... Тут приходится уповать только на милость случайных попутчиков да на собственное обаяние! И почему я никогда не слушаю свою мудрую сестру, Господи?! Уж сколько раз Полина высмеивала мою «совковую» привычку везти из Москвы подарки всей семье и вообще всякую всячину, и столько же раз я убеждалась, что она права: то же самое и, как правило, за те же деньги можно купить и у нас в Тарасове. И что же? Да ничего! Дав себе очередной зорек, я снова и снова нагружаюсь в столице как ломовая ло-

шадь – совершенно не по своим скромным физическим возможностям!

В тамбуре, как назло, не было подходящего объекта, на котором я могла бы испытать силу своего обаяния. То есть, там вообще никого не было: отъезжающие уже сидели в вагоне, а провожающие махали им ладошками с перрона.

– Ну что, девушка, сменим гнев на милость? Я говорю, может, сумочку все-таки доверите? – услышала я за спиной. И без лишних слов уступила свою тяжкую ношу парню в черном плаще, который скользнул по мне насмешливым и вместе с тем каким-то смущенным взглядом.

– Вот так-то лучше. – Крепыш, подметая подножку длинными полами своего прикида, вспорхнул по ней так легко, будто моя сумка была папкой с документами или, по крайней мере, кейсом с деньгами, и сверху протянул мне руку. – Забирайтесь, а то и вправду в Москве останетесь! У вас какое место?

– Тринадцатое, – вздохнула я.

– Сочувствую, – хмыкнул попутчик. И прибавил, хитровато взглянув на меня: – А мы с вами соседи!

«Значит, мне можно посочувствовать вдвойне!» – прокомментировала я про себя, однако вынуждена была изобразить вежливую улыбку. Все же этот тип мне помог, и теперь, хочешь-не хочешь, придется терпеть его до самого Тарасова!

Хоть бы с остальными попутчиками повезло, а то как попадутся все трое мужики! Веселенькое будет дело...

С тяжелым сердцем я вошла вслед за широкой черной спиной в свое купе, однако там было пусто. Я еще не сообразила, что сие обстоятельство может означать, а вот мой сосед сразу воодушевился.

– Значит, мы одни? Класс! – Парень поставил сумку на мою нижнюю полку и повернулся к ее хозяйке. – Стало быть, тоже в Тарасов? Или ближе куда?

– В Тарасов.

– Ну что, давайте знакомиться? Дрюня... Тьфу ты, я хотел сказать – Андрей! «Дрюня» – это для друзей и для любимых женщин. Но можете и вы так звать, если хотите. Не обижусь!

Дрюня?! Вот это расчудесно! Раздражение, которое с самого начала вызвал во мне этот тип, сразу сменилось чуть ли не симпатией. Дело в том, что у меня есть уже один очень хороший знакомый по имени Дрюня, милый и славный Дрюня Мурашов, с которым мы иногда очень здорово проводим время. Конечно, с этим, новым Дрюней они похожи примерно как небо и земля, и все же... Как приятно было после недельной разлуки с родным городом услышать хоть какое-то упоминание о привычной среде обитания! Сразу еще сильнее захотелось домой... Однако я вовремя вспомнила, что эта «крутизна» – не Мурашов, и, стало быть, незачем сходу поощрять его фамильярность.

– А меня можете называть просто Ольгой Андреевной.

Парень прищурил свои маленькие серые глазки и усмехнулся, слегка склонив голову набок.

– Понял, не дурак. А что же так официально? В милиции, что ли, служите?

– Нет, почему в милиции...

Я тут же пожалела, что растерялась и не соврала – для собственной безопасности. Но было уже поздно. В конце концов, что же делать, если я врать совсем не умею?

– Я научный работник. Кандидат психологических наук.

– Не фигу себе! – «Дрюня» даже присвистнул. – Н-да... Стало быть, мы с тобой коллеги, Ольга Андревна. Я тоже «кандидат» – базарных наук! Можно даже сказать, профессор. Торгово-закупочная фирма «Фаворит» – может, слыхла?

– Нет, не приходилось.

– Ну, еще услышишь! Я чего хочу сказать – слышь, сестренка?...

– ... Провожающие?... Есть провожающие? – прошел по вагону проводник.

Сквозь задраенное окошко купе и вокзальные шумы до нас отчетливо донесся далекий свисток локомотива.

– ... Я хочу сказать, ты того... Извини меня за «кобеля», ладно? Что-то я не того... Работа нервная, понимаешь? Ну, да ты понимаешь, раз психолог. Только это твое «Ольга Андреевна»... Не надо сейчас, ладно? Меня тоже на фирме Андрей Сергеевичем величают, как режиссера Кончаловского – мне одна дамочка сказала... Но ведь я ж молчу! То есть, я могу, конечно, и «выкать», только зачем? Ты ж не налого-

вый инспектор, а я тебе – не министр образования. Я сегодня добрый: такое дельце провернул в Москве, если б ты знала... На докторскую диссертацию потянет! Не ломай кайф, сестренка! Пообщаемся по-человечески, как люди, а? Приставать не буду, если не хочешь. Хотя баба ты, конечно, классная, так что я бы с удовольствием...

Бесхитростный монолог «коллеги» уже давно вызвал у меня улыбку, но его последняя фраза против воли бросила в краску. Не дождавшись положительной реакции на свой «прозрачный» намек, Андрей Сергеич не без сожаления продолжал:

– Ну, не хочешь – как хочешь. Проблем не будет, я сказал! Посидим, поговорим, выпьем... Я говорю – отметим мою сделку. Так как, сестренка? Лады?

Мое первоначальное напряжение окончательно улетучилось, и я вдруг почувствовала себя так легко, точно этот бритоголовый крепыш и в самом деле был моим братцем. Или по меньшей мере Дрюней Мурашовым!

– Лады, Андрей. Больше я на своем отчестве не настаиваю!

Парень, уже освободившийся от своего «крутого» плаща и даже ослабивший узел галстука, расплылся в широкой улыбке. В этот момент поезд дернул, и почти одновременно по ковровой дорожке коридора глухо простучали каблучки. Дверь купе широко распахнулась, и мы увидели еще одного пассажира. Вернее, пассажирку.

От неожиданности я едва смогла удержать возглас удивления. Это была она – роскошная женщина по имени Айседора!

Все в том же белом шарфе, соскользнувшем с волос, она неуверенно остановилась на пороге и обвела купе своими ультрамодными узкими очками, за которыми было совершенно не видно глаз.

– Здравствуйте... Чуть не опоздала... Шестнадцатое место здесь?

Красивое грудное меццо незнакомки звучало глуховато, как голос человека, который долго плакал.

Мы одновременно ответили «да», но, в отличие от меня, Андрей забыл закрыть рот: его челюсть так и осталась в нижнем положении.

– Е-мое! – наконец выдохнул он. – Ну и везуха тебе сегодня, Дрюня: как барбос среди роз...

Опомнившись, бизнесмен подскочил с места.

– Проходите, проходите, девушка! Так вы тоже с нами? Класс! Значит, у вас шестнадцатое? Давайте ваш чемоданчик, я его пристрою... Но я не могу допустить, чтобы такая девушка лезла на верхнюю полку! У меня нижняя, мы с вами, конечно, поменяемся.

– Спасибо. – Женщина безропотно отдала ему чемодан; по-моему, она сделала это совершенно машинально. – Мне, правда, абсолютно не важно, какая полка... Но все равно спасибо!

Она достала сигареты и, не обращая никакого внимания на суету, воцарившуюся с ее появлением, швырнула сумочку на нижнюю полку – ту самую, которую широким жестом предложил ей Андрей.

– Извините... – И чудное виденье исчезло в вагонном коридоре так же неожиданно, как возникло.

Мы переглянулись с Дрюней, который выглядел совсем обалдевшим. Глупо, конечно, но это меня задело: ведь этот тип только что был не прочь приударить за мной, но стоило появиться другой юбке... Ну, правда, не юбке, а великолепному брючному костюму, который, если честно, сидит на этой барышне лучше, чем на любом манекене, но разве это меняет суть дела?! Тем обиднее!

Только-только я хотела интеллигентно съязвить по этому поводу, как мое внимание переключилось на новый персонаж. Видимо, он появился одновременно с девушкой, однако, занятые ею, мы не заметили его на заднем плане, в коридоре. По правде говоря, в том не было ничего удивительного. Последний, четвертый пассажир купе был ничем не примечательный с виду мужчина лет сорока-сорока пяти. Лысоватый, в помятом костюме, довольно высокий, но изрядно сутулый и оттого кажущийся приземистым, он производил впечатление дремучего провинциала и крайне застенчивого человека. Скромно поздоровавшись, он забросил спортивную болоньевую сумку на свою верхнюю полку и тоже отправился курить об этом мне сказали оттопыренный карман

его пиджака и сногсшибательный запах «Космоса», которым этот парень был пропитан весь.

Андрей, которому как-то вдруг стало скучно в моем обществе, тоже извлек пачку «Кэмэла» и выскользнул в коридор. Не надо было быть психологом с ученой степенью, чтоб догадаться: он горит желанием утешить очаровательную попутчицу-блондинку.

Оставшись одна, я вздохнула и углубилась в меланхолию под перестук вагонных колес. Глядя за окошко, на проплывающие мимо столичные окраины с многоэтажными домами-«коробочками» и зелеными массивами парковых зон, которые художница-осень уже тронула своей яркой кистью, я вдруг поняла, до чего же соскучилась по дому и по тем, кто меня там ждал. По ребятишкам – Лизоньке и Артуру, по своей неухоженной, расхристанной квартире, забитой ненужными, но такими милыми вещами, по привычному человеческому кругу и привычному укладу жизни – без этих дурацких докладов, семинаров и «круглых столов», без этого ужасного распорядка дня и вечной отвратительной спешки, когда все впопыхах, все по минутам...

Подумать только: всего неделю назад, собираясь на международный симпозиум психологов, я так мечтала вырваться из этих тисков обыденности «на свободу», сменить обстановку, «развеяться»! Мечтала отдохнуть от вечных занудных моралей Козакова и даже от вечной Полининой опеки... И вот, через каких-то семь дней, мне больше всего на све-

те хочется услышать голос моей дорогой сестрицы! Ну, хотя бы: «Я с тобой с ума сойду, Ольга!». Или: «Какая же ты бестолковая, Ольга!».

Я даже вытерла скатившуюся по щеке слезу – до того меня одолела ностальгия по Тарасову. Вот приеду завтра, Полина с детьми встретит меня на вокзале и, наверное, сразу увезет на дачу – ведь суббота! А там сейчас так хорошо... Погода стоит прохладная, но не холодная – словом, настоящая сентябрьская погода. И, главное, почти никакой работы, не надо ничего сажать, полоть, окучивать и собирать, можно будет вдоволь отоспаться на свежем воздухе за весь симпозиум. Как это все-таки замечательно: проснуться не по распорядку, а от веселого щебета птичек за окном и от потрясающего запаха яблочного пирога, наполнившего собой весь дом... Ты еще нежишься под одеялом в предвкушении нового дня, безоблачного и беззаботного, и тут заходит Полина и говорит...

– ... Ну что, сестренка, соскучилась без меня?

Я не сразу поняла, почему Полина говорит таким грубым, незнакомым голосом. Ах! Это вовсе не Полина, а этот парень, мой попутчик... Андрей, да. «Дрюня». И я еще не на даче, а в поезде. Кстати, вместо того чтобы считать столбы за окном, могла бы за это время переодеться, ведь они курили добрых двадцать минут... Какая же ты бестолковая, Ольга!

Судя по тому, что «братец» вернулся один и снова стал активно демонстрировать мне «родственные чувства», дела

у него в тамбуре не заладились. Но теперь я не спешила открывать этому предателю душу и держалась с ним вежливо, но подчеркнуто равнодушно. Пусть знает!

Вскоре к нам заглянул проводник – собрать билеты, и одновременно с ним вошли блондинка и «сутулый» (так я окрестила про себя четвертого пассажира). Наша с Андреем светская беседа сама собой развалилась и больше не склеилась, парень заскучал, уставившись в коридорное окошко через приоткрытую дверь купе.

Сутулый пристроился на краешке моей полки и углубился в какую-то книжку. Женщина по-хозяйски села в угол, за столик, и только тут сняла очки. И то лишь затем, чтобы припудрить глаза и носик: согласитесь, в очках, да еще в темных, это делать трудновато. Мужчины деликатно сделали вид, что их эта процедура нисколько не интересует, но от меня не ускользнули следы слез на красивом личике блондинки. Я была права: прощание с московским приятелем не прошло для нее даром.

Исподволь разглядывая попутчицу, я не могла отделаться от мысли, что где-то уже видела ее. Что-то в лице этой женщины, в ее походке, манерах казалось мне неуловимо знакомым. И от того, что я не могла сообразить, откуда это странное чувство, мне стало очень досадно.

Между тем, красотка не проявляла ко мне ни малейшего интереса – значит, она меня не знала. Отвернувшись к окошку, она сосредоточенно наводила марафет: покачива-

ния и толчки вагона сильно мешали этому делу, требующему особой точности. Зная по собственному опыту, какая это мука – накраситься в вагоне на полном ходу, я сочувственно следила за ее манипуляциями.

Наконец женщина убрала в косметичку все, кроме зеркала, и стала искать в сумочке что-то еще. Она снова и снова перетряхивала содержимое крошечного ридикуля, шевеля губами – совсем как я недавно, когда искала билет. И наконец подняла на меня свои огромные глаза, которые больше не выглядели заплаканными – только чуть-чуть усталыми и очень растерянными.

– Расческу потеряла... Что же теперь делать?

Это вышло у нее так искренне, так непосредственно, что женская солидарность захлестнула меня с головой. Я уже простила этой бедняжке, что Дрюня был готов променять меня на нее.

– Если моя вас устроит... Конечно, она не новая, но перхоти у меня вроде бы нет.

– Да какая там перхоть, пустяки... Конечно, устроит, спасибо огромное! – Блондинка взяла у меня расческу, подкрепив свою благодарность очаровательной улыбкой. – Если бы вы знали, как и чем мы гримируемся в театре, вы бы не говорили. Вы бы просто в ужас пришли!

В театре? Так вот оно что! Теперь-то мне стало понятно, почему она кажется мне знакомой, а я ей – нет. Пока женщина причесывалась, я загрузила в «компьютер» своей памяти

файл «Театры» и стала его просматривать. Ну конечно: тарасовский драматический! В начале лета мы с сестрой были там на премьере – Полина через какую-то клиентку раздобыла контрамарку. Как же это я сразу не узнала примадонну?! Впрочем, ничего удивительного: пьеска была модернавая, так что актеров было трудно отличить от декораций. Я не помню, чтоб моя теперешняя попутчица – кажется, у нее какая-то прибалтийская фамилия – очень уж поразила меня своей игрой, но, летая над сценой в прозрачном белом хитоне, она смотрелась весьма эффектно!

– Вот теперь я вас узнаю! – Настала моя очередь мило улыбаться. – Вы играли в пьесе Сладовского, правда? Забыла название...

– Ах, и я тоже! Оно какое-то очень заумное. А наш спектакль назывался «Откровения». Вам понравилось?

– М-м... – Прямой вопрос поставил меня в тупик. – По-моему, театр чрезмерно увлекся формой подачи материала, за которой, я думаю, не все зрители смогли разглядеть глубокое содержание. Но ваша нимфа – если не ошибаюсь, ее звали Натали? – она была очень, гм... откровенная.

– Что вы! – перебила меня блондинка, округлив глаза.

– Натали – это муза художника, которая являлась мастеру в его снах. А в общем-то, вы правы! Спектакль получился не ахти.

Она задорно тряхнула волосами и засмеялась. Мне было крайне неловко, что попала впросак с этой чертовой ним-

фой, то бишь музой, но неожиданно встрявший Дрюня спас меня от позора.

– Е-мое, так вы, значит, актриса! А я все думаю, где это я вас видел... Ну, точно, блин! В июне моя благоверная по-тащила меня в драму: пойдём да пойдём, там, говорит, все наши собираются. А что – «пойдём»?! Буфет был дрянь... Правда, я не понял ни хрена, из-за чего там этот чувак все хандрил, но когда вы над сценой полетели – е-мое!.. Я думал, Витек – это дружан мой – из штанов выпрыгнет, в натуре. «Дрюня, – говорит, – я думал, вечер кобелю под хвост, лучше бы пива выпил, а теперь не жалею, что пошел».

Быть может, что-то в моем взгляде подсказало парню, что он сболтнул лишнее, а может, сам дошел – но только крепыш внезапно смешался.

– Нет, кроме шуток: это было классно! – промямлил он и уставился себе под ноги.

Разумеется, перед глазами у бедняги в этот момент было то же самое, что у меня: прозрачное одеяние летучей «музы» и ее прекрасно различимые формы, за которыми – я в этом уверена! – никто и не пытался разглядеть никакого «содержания». Даже если оно там было!

В отличие от нас с Дрюней, актриса вовсе не выглядела смущенной. Даже, пожалуй, наоборот: ей было приятно, что она произвела впечатление на публику.

– Спасибо. – Она картинно забросила ногу на ногу, едва не выбив при этом книжку из рук «сутулого», и взглянула на

меня. – Ну что, попутчики, давайте знакомиться? Все-таки целая ночь пути... Меня зовут Айседора – как жену Есенина. Имя необычное, но мне нравится. И для актрисы очень подходит.

Я скромно назвала себя и добавила:

– Имя у меня самое обычное, как видите, но я на него тоже не жалею. Кстати, для моей профессии имя не имеет никакого значения: я психолог.

Айседора отреагировала в полном соответствии со своей профессией.

– О-о!.. – И добавила как бы про себя: – Это как раз то, что мне сейчас нужно.

– Ну, меня вы уже знаете, девчонки, – подхватил эстафету «братец». – Я вам первый отрекомендовался, правда, каждой по отдельности. Хотя можно еще разок, чтоб все путем. Андрей Старостин, по-простому Дрюня. Надежда тарасовского бизнеса. Пока что малого и среднего, но чем черт не шутит: может, и до большого дорастем! До крупного то есть. По совместительству – финансовая опора «отцов города» и в особенности моего родного Заводского района. Женат меньше года, но уже успел нахлебаться «радостей» супружеской жизни, так что всегда не прочь сходить налево. Намек поняли?

Дрюня заржал, вполне довольный собой.

– Ну вот, что надо я вам сказал, а остальное вы и сами видите. Все при мне! Вопросы есть?

Айседора обворожительно улыбнулась.

– Вопросов нет, Андрюшенька. Только предложение: свои руки держи при себе – вместе со всем остальным, что там еще у тебя есть. Намек понял?

Я ожидала бури: тот, кто мечтает дорасти до большого бизнеса, вряд ли привык к отказам в такой категоричной форме. Но, видимо, наш попутчик и в самом деле был сегодня в хорошем настроении. Он только ухмыльнулся.

– Понял, не дурак. Да ты не бойсь, куколка: Дрюня Старостин еще никому не навязывался. Насильно в душу не влезешь, да и в постель тоже. По крайней мере, это не мой метод. Только ты не плюй в колодец, детка! Может пригодиться.

Неожиданно бизнесмен хлопнул по колену сутулого, который до сих пор не принимал участия в общем разговоре.

– А ты что все молчишь, друг? Кто такой будешь? Как зовут?

Тот даже вздрогнул.

– Дмитрий. Дмитрий Иванович, как Менделеева.

– Какого Менделеева? Из налоговой, что ли?

Сутулый беспомощно открыл рот и снова его закрыл, не издав ни звука. Я пришла ему на помощь.

– Дмитрий Иванович Менделеев – великий русский ученый. Таблицу химических элементов Менделеева в школе проходил?

– Тьфу ты! Совсем плохой стал Дрюня Старостин. А я еще думаю: тот, что в налоговой, вроде не Иваныч, а Петрович.

Сказанула тоже – «в школе»! Так то когда было... Слушай-те! – Парень хлопнул по колену на этот раз себя. – А классная у нас компашка подобралась: жена Есенина, режиссер Кончаловский, а теперь еще и химик Менделеев... А ты, сестренка, похоже, всю малину нам портишь! Ты-то у нас кто будешь? Эх, слышала б этот вопрос Полина! А еще лучше – если бы она слышала мой ответ:

– Кто я? Я просто Ольга Снегирева. И если кто-то из знаменитых господ считает ниже своего достоинства ехать со мной в одном купе – пусть поменяется с кем-нибудь местами, я не против!

Все засмеялись, и даже сутулый улыбнулся, опустив свою книгу на колени. В этот момент кто-то открыл дверь купе, и все головы повернулись в ту сторону.

Я узнала его сразу же. Это был тот тип, который провожал Айседору на Павелецком вокзале – если так можно сказать. Актриса подскочила как ужаленная.

– Ты?! Здесь?!

– Собственной персоной. Как видишь, расстаться с тобой оказалось выше моих сил, дорогая. Выйди, надо поговорить.

Сейчас примадонна была похожа на кошку, готовую вцепиться в физиономию врага.

– Я не знаю, откуда ты здесь взялся, – прошипела она, – да мне на это и наплевать. Если тебе пришла охота прокатиться на поезде – это твое дело. А мне говорить с тобой не о чем. Проваливай!

Высокий смуглый брюнет с пушистыми усами и не подумал подчиниться. Он картинно заслонил собою дверной проем, и лишь вздрагивающие ноздри да побелевшие костяшки пальцев, которыми мужчина ухватился за края верхних полов, выдавали его напряжение.

– Браво, детка! Нет, правда: совсем неплохо. Вполне сгодится для вашего занюханного театрिका. Старик Арчи неплохо с тобой поработал. Но ты забыла, что ты сейчас не на сцене, Айседора! Нет публики, понимаешь? Нет камеры, нет мотора. Или ты собираешься разыграть свой маленький спектакль перед этими людьми?

Красавчик нервно тряхнул густой шевелюрой и усмехнулся. Я подумала, что весь он – внешность, голос, манера выражаться – выдержан в стиле героя-любовника из дешевой мелодрамы.

– Я собираюсь?! По-моему, это не я, а ты разыгрываешь здесь спектакль одного актера. По какому праву ты ворвался в мое купе? Почему ты меня преследуешь? Кто ты вообще такой?!

– Кто я тебе? Ты действительно хочешь, чтобы я рассказал это здесь и сейчас? Ну что ж: возможно, твоим попутчикам это покажется пикантным...

– Убирайся вон, мерзавец!

– Или ты предпочитаешь, чтобы я переговорил завтра об этом с твоим Арчибальдовым? Раз уж мне, волею судеб, пришлось прокатиться в Тарасов – грешно пренебрегать такой

возможностью. Иначе придется написать ему письмо, а я не выношу эпистолярный жанр.

– Послушай, мужик...

Андрей неторопливо поднялся с места и своей массивной фигурой отгородил незваного гостя от зрителей. Дрюня был почти на целую голову ниже «героя-любовника», но общий баланс складывался явно не в пользу последнего. Красавчик невольно попятился.

– Послушай, мужик, тебе не кажется, что ты слишком долго испытываешь терпение порядочных людей? Вломился без спросу в чужое купе, ни тебе «здрасьте», ни «извините»... Пристаешь к девушке, а она, между прочим, с тобой говорить не хочет. Неужели не ясно? А знаешь, что бывает с теми, кто не понимает на словах? Знаешь, нет?

– Bravo, Асенька! – Стараясь во что бы то ни стало удержать позиции, гость что есть силы вцепился обеими руками в полки. – Не успел поезд тронуться, а ты уже и здесь нашла себе адвоката. Bravo! А впрочем, чему я удивляюсь? Платишь ты щедро... Ай, ай!!!

Последняя реплика красавчика получилась несколько смазанной, потому что его голова молниеносно исчезла под полкой. А сам он из статного «героя-любовника» превратился в какую-то скрюченную «запятую» – в результате захвата, профессионально проведенного Дрюней. Все это произошло в мгновение ока, так что никто ничего не понял. «Рома!» – истошно взвизгнула Айседора, я поддержала ее вторым го-

лосом. Дмитрий Иванович поджал ноги.

– Мужик, я ж тебя предупреждал. А, мужик?... Я ж хотел на словах объяснить, что бывает с беспредельщиками вроде тебя, а ты не понял, лох! Я ж хотел по-хорошему, настроение у меня сегодня классное, понимаешь? Было, я хочу сказать...

– Пусти, козел... – проскрипело из-под полки.

– Ах ты...! Ну, мужик, это была твоя ошибка. Ба-альшая ошибка! За козла ответишь.

Разбушевавшийся «братец» – то есть браток – уже почти выволок свою жертву из купе, но тут на руке у него повисла Айседора.

– Андрюша, миленький, не надо! Пусти его, пожалуйста!

– Уйди, детка! Этот хмырь меня достал!

– Пожалуйста, я тебя умоляю! Я должна с ним поговорить.

Дрюня с отвращением выпихнул в коридор Рому и отряхнулся. Айседорин герой тут же выпрямился и, не сводя со своего обидчика пламенного взора, рукавом пуловера промокнул свежую ссадину на лбу. Если бы глазами можно было убивать, то Старостин был бы сражен наповал.

– Скажи спасибо своей девчонке, педик! – хмуро процедил тот, у кого украли законную победу. – Но если еще раз увижу тебя поблизости от своего купе – оторву ноги вместе с...

Я заткнула уши, чтобы не иметь повода обидеться на попутчика еще раз.

– ... Так и знай! – И Дрюня с грохотом захлопнул за де-
вушкой дверь купе.

– Как вы его! – восхищенно проговорил Дмитрий Ивано-
вич.

Старостин тяжело плюхнулся на сиденье и сжал огромные
кулачищи.

– Козел! Ублюдок, япона мать... Такое настроение испо-
ганил, блин!

Парень в сердцах шарахнул кулаком в стенку купе – я да-
же испугалась, что поезд сойдет с рельс. И неожиданно так
вцепился обеими руками в пиджак Дмитрия Ивановича, что
оторвал беднягу от полки.

– Слушай, друг! Пойдем выпьем, а? Душа горит!

– Спасибо, я вообще-то не пью...

– Да чего там «не пью», хватит заливать! Я приглашаю!
Пойдем, друг! И ты, сестренка, пойдем – я всех приглашаю.
Все купе. Надо снять стресс, а то из-за этого хмыря поганого
весь кайф кобелю под хвост... Ну, чего скисли, интеллиген-
ция?!

Я переглянулась с «Менделеевым». В его глазах ясно чи-
талось то же самое, что чувствовала я сама.

– Ну, если все купе...

– Я сказал! Сейчас только проводнику шепну, что мы все
уходим в ресторан – чтоб купе запер.

– погоди, Андрей, – сообразила я, – а как же Айседора?
Ей-то в первую очередь необходимо снять стресс! Знаешь

что? Вы идите, а я ее дождусь. Может быть, ей понадобится моя помощь. Помощь психолога, я имею в виду. Мы придем попозже.

– Лады, сестренка. Конечно, вам без мужиков тут сподручнее будет – ваши бабские дела обсудить. А мы с Диманом пока в кабаке осмотримся, что к чему. Только обязательно приходите, девчонки! Я жду! Идем, Диман.

Выходя, Дмитрий Иванович хотел что-то мне сказать, но так и не решился. Наверное, тоже хотел попросить, чтобы мы не задерживались. Кажется, я произвела на него впечатление как женщина. Бедняга! Уж он-то явно герой не моего романа...

Айседора появилась минут через пятнадцать – когда я уже начала всерьез волноваться, что все алкогольные запасы вагона-ресторана будут выпиты без меня. Она влетела в купе как пуля и без сил упала на свое место у окошка – как раз напротив меня. Лицо у нее было красное, но глаза – сухие.

– А где мужики? – спросила безучастно.

– Отчалили в ресторан. Дрюня пригласил нас всех. Я вас ждала.

– «Дрюня»... Хороший он парень! Хотя, в принципе, такой же кобель, как они все... В ресторан, говоришь? Ты извини, Оля: я уже на «ты» перешла – если ты не против, конечно... Ну что ж, ресторан – это кстати: больше всего на свете мне сейчас надо выпить!

«Какое совпадение!» – подумала я. А вслух спросила:

– Как ты?

– А-а... – Девушка махнула рукой. – Хреново, что там говорить. Ты же сама все слышала!

– Может, расскажешь, пока мы одни? Выговоришься – легче станет.

– Ну да, ты ж у нас психолог: надо пользоваться моментом! Только... Рассказывать-то нечего, Оля. Ситуация банальна до безобразия. Я встретила этого красивого подонка и, конечно, решила, что это и есть моя большая любовь. Господи, какая дура!

Айседора прикрыла глаза и горько покачала головой.

– Можно, я здесь покурю? Не возражаешь?

– Конечно, конечно.

– А ты? – Она протянула мне пачку «Мальборо».

– А я не курю, спасибо.

– Счастливая... А я вот, дура, травлюсь. В театре все курят, там без этого нельзя. Впрочем, нечего на театр валить – сама дура! Всегда была дурой, обижаться не на кого... И, главное, из-за этого подлеца я была готова бросить хорошего человека, который ради меня готов на все! Слава Богу, у меня вовремя открылись глаза. Прозрела, раскаялась и все такое. Но если Арчи узнает...

Айседора опять безнадежно махнула рукой и затаилась сигаретой. Я молча «обрабатывала» полученную информацию и ждала продолжения.

– Понимаешь, я и Арчи... Это наш главный, Александр

Арчибальдов – ты, конечно, знаешь эту фамилию?

Я кивнула: кто же в Тарасове не знает Александра Арчибальдова! В среде творческой интеллигенции «маэстро» приобрел широкую известность – как своими нетрадиционными трактовками театральной классики, так и своим скандальным нравом. Одни называли его гением, другие – «чокнутым», третьи – обыкновенным хамом. Скорее всего, истина была где-то посередине.

– Значит, ты и он... Ты с ним?... – Я не знала, как высказаться, чтоб не обидеть собеседницу и не показаться нетактичной.

– Да, мы вместе. Уже два года. Сначала я думала, что это просто так... ну, ты понимаешь. Я тогда только развелась с мужем, а Александр Валерьевич незадолго до моего прихода в театр овдовел – жена попала в автомобильную катастрофу. В общем, оба были одиноки, никто никому дорогу не перешел. Когда я поняла, что Арчи – так мы его в театре зовем между собой – испытывает ко мне не только профессиональный интерес, верней, не столько профессиональный, сколько мужской...

Я решила, что ничего не теряю. Он талантлив, еще не стар, вполне обеспечен... А главное – он главный режиссер! От него в театре зависят все и все. А я актриса... Ты меня понимаешь, Оля?

– Вполне. Ты действительно ничего не теряла, зато приобрести могла многое.

– Вот именно! А потом... Потом я поняла, что для Арчи я – не просто очередная фаворитка. Нечто большее! Я была ему за это благодарна, Оля. Нет, не то чтобы полюбила... Врать не буду: я никогда не испытывала к Арчибальдову того, что к другим мужчинам – а я часто влюблялась, каюсь! Но... мне было с ним спокойно, как за каменной стеной. И уютно, словно в ненастную погоду у зажженного камина. Он очень много мне дал – и как режиссер, и как человек. Я знаю, про Арчи болтают всякое, найдется очень немного людей, которым он симпатичен. Но я научилась видеть в нем только хорошее и не замечать того, что отталкивает. А может, он со мной совсем другой, чем с остальными...

Айседора замолчала, глядя в окно, на проносящиеся мимо поля и перелески, которые вызолотило своими прощальными лучами уходящее за горизонт солнце.

– Ты знаешь, о чем я сейчас подумала, Оля? Может быть, это и называется – любовь? Когда в тебе видят не секс-машину и не красивую игрушку, а человека? Когда о тебе заботятся, оберегают, помогают, если тебе трудно? А ты благодарна за все это и отвечаешь человеку тем же...

– Наверное, ты права, Айседора.

– Можно просто Ася – так меня называют друзья. Да, я права! Только слишком поздно это поняла... Счастье было у меня в руках, а я все гонялась за ним, набивая себе шишки. И чуть не потеряла, что имела. А может быть, уже и потеряла!

Догоревшая сигарета обожгла ей пальцы, и женщина, чертыхнувшись, швырнула окурок в массивную стеклянную пепельницу.

– Ты имеешь в виду этого типа? – уточнила я. – Роман, кажется?

– А то кого ж еще! Роман... Подонок он, а не «роман»! После всего, что я о нем узнала, он еще смеет мне угрожать – с ума сойти!.. Господи, и надо ж мне было именно теперь его встретить – теперь, когда Арчи сделал мне предложение! Боже, какая я дура...

– Так он тебе угрожал? Чем же?

– Ах, да ерунда это все! Говорил, что убьет и меня, и себя, если я завтра не уеду с ним... Разве можно к этому относиться серьезно? Обычный треп, театральщина! Я боюсь только одной угрозы: что этот дешевый бабник возьмет и в самом деле все расскажет Арчибальдову про нас с ним. Тогда я погибла – Арчи меня не простит! Он ревнивый как Отелло.

В уголках ее красиво подведенных глаз блеснули слезинки. Похоже, Айседора и в самом деле боялась потерять этого своего «Арчи». От меня как от психолога требовалось успокоить «клиентку», но, видит бог, я не знала – как!

Поэтому я просто пожала ее изящную ручку с длинными наманикюренными ногтями, украшенную двумя массивными золотыми перстнями.

– Не надо терзаться раньше времени, Ася. Если любит – простит! А Арчибальдов, судя по всему, тебя действительно

любит. Ты сумеешь объяснить ему, что это было просто наваждение. Да и не думаю я, что этот твой Роман опустится до такой низости. Что он – совсем не мужик, что ли?! А кто он вообще такой?

Но Ася в ответ только затрясла головой: мол, если скажу еще хоть слово – разрыдаюсь.

– Хватит о нем, Оля. Ты права: это было наваждение. Дурной сон! И я хочу поскорей его забыть.

В этот миг кто-то дернул за ручку двери, и актриса мгновенно промокнула слезы и приосанилась. Мы увидели на пороге нашего «Менделеева».

– Милые дамы, ну где же вы? Наш щедрый хозяин уже заскучал. Я получил категорический приказ привести вас во что бы то ни стало!

Дмитрий Иванович больше не выглядел застенчивым молчуном, застегнутым, так сказать, на все пуговицы. Его глаза игриво поблескивали, выдавая, что мужички уже «размочили» свою скуку.

Айседора величественно поднялась с места.

– Ну что ж, можете доложить об исполнении. Мы идем!

– Спасибо тебе, Оля! – шепнула она мне. – Я в порядке. Теперь мне только Бог поможет!

Вечер в вагоне-ресторане прошел на высоком культурном и гастрономическом уровне. Если не считать того обстоятельства, что количество выпитого слишком уж быстро пе-

реходило в качество моего самочувствия и мироощущения. Видимо, мой слабый организм, в котором за неделю симпозиума накопилась усталость, нуждался в разрядке. И он ее получил...

Сначала пили шампанское и какое-то прелестное розовое итальянское вино. Потом мы с Айседорой перешли на армянский коньячок, но почему-то к этому времени официант уже унес несколько пустых бутылок из-под водки «Абсолют» – и откуда они взялись, ума не приложу! А под конец коньяк в моей рюмке выглядел – вот еще наваждение! – прозрачным как слезинка, но я уже не обратила внимания на подобную мелочь...

Айседора оказалась такой заводной девчонкой! Снимать стресс с ней на пару было настоящим удовольствием. Кстати, она прозрачно намекнула, что у нее тоже сегодня есть что отметить. Наверное, имела в виду избавление от этого подонка Романа – что же еще?! Только я почему-то пропустила этот тост. Наверное, его подняли, когда я выходила в туалет. Не могли дожидаться!

Даже Дрюня Старостин, который больше не просил прощения за «кобелей с презервативами» и прочих персонажей своих бесчисленных анекдотов и баек «из жизни», совсем не портил нам компанию. Несмотря на свою очевидную принадлежность к «малому и среднему бизнесу», он умел пользоваться вилкой и даже ножом, не швырял в официантов бутылками и не заставлял нас плясать канкан на столе. Он

вполне сносно ухаживал за обеими дамами, а главное – не пытался приставать, в полном соответствии с данным обещанием. Пил он без всякой меры, однако пьяным не был ну нисколько. Впрочем, не он один... Никто не был пьяным! Ник!...то.

Помню, как «Менделеев» с увлечением рассказывал о красотах заволжских степей (кажется, он оказался родом из какого-то дальнего района области), а после до хрипоты спорил с Дрюней о пользе страхования жизни и имущества. Помню, как в сизом сигаретном дыму, от которого у меня першило в горле и глаза вылезали на лоб, мелькала смазливая злая физиономия Романа с пластырем на лбу – он ужинал через несколько столиков от нас. Но не приближался – иначе я бы, конечно, это запомнила.

А потом... Потом произошло что-то непонятное: раскрасневшееся смеющееся личико Айседоры вдруг перевернулось и улетело куда-то ввысь, а на смену ему выплыла из удушливого тумана широкая ряшка Дрюни с вытаращенными глазами – и тоже перевернутая вверх тормашками! Словно по испорченному телефону до меня долетел мой собственный испуганный голос:

– Эй! Чего это вы все закувыркались?...

Но они ничего мне не ответили, а вместо этого, будто в насмешку, закрутились-завертелись, стали маленькими-маленькими и вовсе исчезли...

С этого момента разрозненные ресторанные впечатления,

насыщенные светом, приятными разговорами и музыкой, волнующим теплом напитков, разливающимся по телу, — эти славные впечатления сменились какими-то странными и жуткими сюрреалистическими картинками.

... Вот я в крошечной ночи повисла над грохочущей пропастью, в ушах свистит лихим убийцей ветер, и из-за него я не слышу своего отчаянного крика: «По-мо-ги-те-е-е!...»

... Вот очередной мучитель сует мою голову под струю ледяной воды; значит, кто-то мне все-таки помог тогда, и меня не скинули с поезда — но только затем, чтоб теперь утопить! Я опять пытаюсь кричать, но вместо голоса в горле булькает вода...

... Вот меня сжимают чьи-то грубые руки, гнут шею книзу, к какой-то зловонной дыре... «Ну и нажралась ты, сестренка, япона мать!» Уму непостижимо! Во-первых, у меня нет и никогда не было никакого брата, а только одна сестра... Полина, где ты, дорогая?! Спаси меня... Во-вторых, что значит «нажралась»? Я вообще очень умеренна в еде, что видно по моей фигуре... А в-третьих, если даже допустить первые два пункта, то при чем здесь мать какого-то там «япона»?!

Я понимаю, что вот теперь точно пришел конец: этот человек садист, он издевается надо мной, прежде чем прикончить. И, собрав последние силы, лягаю ногой самозваного «братца»...

... Вот я просыпаюсь от яркого света фонарей за окошком купе и от богатырского храпа по эту сторону от него. Поезд

стоит, а сама я лежу на своей нижней полке, укрытая одеялом по самую шею. И это очень хорошо, что укрытая, потому что кое-чего из одежды на мне не хватает. Наверное, это Полина меня... Нет! Полина сняла бы с меня все и напялила ночную рубашку. Да ведь ее и нету здесь, Полины, я только еду к ней... Кто же меня раздел? Какой ужас!.. Но поразмыслить об этом казусе я не успеваю: с верхней полки над моей головой свешивается какое-то мужское лицо, смутно знакомое. Оно улыбается мне:

– Все в порядке, это Балашов. До Тарасова еще далеко. Спите, спите, Ольга...

И я опять сплю, сплю...

Проснулась я от того, что кто-то настойчиво тряс меня за плечо. Я слишком хорошо знала, кто это, и потому натянула одеяло на голову и получше завернулась в него.

– Полина... Да отцепись же ты, дай поспать...

– Ах ты, Господи, какая еще Полина... Оля, это я, Айседора! Ася! Помнишь? Ну, вставай же скорее, Тарасов через сорок минут!

Тарасов! Через сорок минут!!!

Пронизанная внезапным чувством реальности, я припрыгнула на своем твердом покачивающемся ложе – но тут же уронила голову на подушку, почувствовав острый приступ дурноты.

– Ася... Господи, я не сразу сообразила, где я. Мне так

плохо! Что со мной?

Айседора, уже полностью одетая и свеженакрашенная, усмехалась, протягивая мне мою собственную блузку.

– Ты вчера сильно перебрала от Дрюниных щедрот. Я, впрочем, тоже, но в моем случае хотя бы обошлось без тяжелых последствий. А вот с тобой ему, бедняге, пришлось повоевать!

Перед моим мысленным взором пронеслись вереницей ночные видения, и я со стоном накрыла лицо подушкой. Значит, все это мне не приснилось! А если и приснилось, то далеко не все... Что же делать?! Как мне теперь вылезти из под этого чертова одеяла и посмотреть в глаза своим попутчикам?! Не сидеть же здесь до тех пор, пока поезд прибудет на конечную станцию, и все выйдут из вагона...

Между тем, Айседоре надоело ждать, пока моя рефлексия прекратится сама собой, и она поступила точно так же, как поступила бы моя сестра – то есть сдернула с меня одеяло.

– Давай, одевайся скорее, пока ребята вышли покурить. Разлеживаться некогда.

– Но как же я встану, если меня мутит от малейшего движения?! – Трясущимися руками я застегивала пуговицы, то и дело прислоняясь к стенке и хватая ртом воздух.

– Ничего, это всего лишь ощущения. Все, что в тебе было, ты уже вывернула вчера вечером. Ничего не осталось! Выпей вот водички – легче станет.

Она плеснула мне минералки из стоящей на столе бутыл-

ки, и я припала к стакану, словно путник, три дня блуждавший по пустыне и чудом наткнувшийся на живительный источник.

– Чертов Дрюня, ведь я ж ему говорила: не надо мешать шампанское с коньяком и водкой! Так нет же: «Шампусик, шампусик...» Я, говорит, сегодня гуляю, без «шампусика» никак. Вот и догулялись...

«Волшебные пузырьки» вернули меня к жизни настолько, что я смогла напаялить на себя все что нужно и даже подняться на ноги, придерживаясь за верхние полки с уже скатанными матрасами. Айседора, посмеиваясь, собирала мою постель.

– Ася, расскажи, что вчера было? Я ничего не помню! Это ты меня раздела?

– Я? Скажешь тоже! Да я вчера и себя-то раздеть была не в состоянии – прямо так и рухнула. Видишь – весь костюм мятый? – Она засмеялась. – Это, наверное, Дрюня за тобой поухаживал.

– Как... Дрюня?!.

– А чему ты удивляешься? Он нас напоил? Он! Значит, ему было и в чувство приводить. Когда ты в ресторане прямо из-за стола брякнулась на пол, он так перепугался, бедненький...

– Я... брякнулась на пол?!

– Ты даже этого не помнишь? Ну, даешь, Ольга! И, главное, кувыркнулась и говоришь: «А что это вы все кувыркан-

етесь?». Мы, значит, кувыркаемся, а не ты! Картинка была еще та. Если б мы все так не испугались за тебя, наверное, померли бы со смеху.

– Ася, ты не шутишь? Это же ужасно!

– Да не бери ты в голову. Ну, выпила лишнего – подумаешь... Чего с человеком не бывает! Вон, даже президент мордой в салат падал, что уж про нас говорить... Страшной смерти ничего нет, Оленька.

Несмотря на утешения Айседоры, чувствовала я себя преотвратно. Сознание собственного грехопадения снова подступило к горлу противной тошнотой. Голова раскалывалась, язык еле ворочался, а из зеркальца на меня глядела не цветущая женщина двадцати девяти лет, которая вчера садилась в поезд, а какая-то бледно-зеленая кикимора с всклокоченными волосами.

А за окошком уже мелькали знакомые пригороды Тарасова! Еще каких-нибудь десять-пятнадцать минут – и я предстану перед Полиной. И та, конечно же, сразу вычислит причину моего плачевного состояния... Боже мой, мне было страшно даже подумать о том, что сестрица мне скажет! Тут уже «бестолковой Ольгой» не обойдется...

На мое счастье, мужчины не спешили обратно в купе, так что я успела хоть немного привести себя в порядок. Разумеется, о том, чтоб полноценно накраситься, как это вчера проделала Ася у меня на глазах, не могло быть и речи: руки «слушались» меня так, что я сейчас, пожалуй, не смогла бы

и слово «мама» написать — даже при условии полной неподвижности всего купе. Поэтому я только припудрилась, подкрасила губы и кое-как нанесла тени на глаза, чтобы скрыть отеки.

Попутчица, уже покончившая со сборами и даже повязанная своим экстравагантным шарфом, примолкла и задумчиво смотрела в окно. По-видимому, мысли ее летели далеко впереди поезда, приближающегося к станции назначения. Я спросила — просто чтобы нарушить молчание, — не объявлялся ли еще раз ее Роман, но женщина только отрицательно покачала головой и махнула рукой, давая понять, что не хочет говорить об этом. Мне даже показалось, она жалеет о том, что вчера разоткровенничалась с посторонним человеком.

Эта неожиданная холодность Айседоры за несколько минут до расставания слегка обескуражила меня, поэтому я не рискнула предложить ей обменяться адресами и телефонами, хотя желание такое было. А впрочем... Что это я? Не для того люди в дороге открывают душу случайным попутчикам, чтобы после продолжать знакомство с теми, кто знает их тайны. Психологу пора бы это знать!

Дрюня с «Менделеевым» появились в тот момент, когда за окном купе поплыл перрон вокзала с рассеянной по нему толпой встречающих, и коридор наполнился пассажирами и вещами.

— А-а, моя нехорошая сестренка!

Старостин, тоже немного опухший, глянул на меня хмуро,

но ухмыльнулся вполне беззлобно.

– Жива? Я думал, ты меня вчера доконаешь, в натуре!

– Да ладно тебе, Андрей, – смущенно улыбнулся Дмитрий Иванович. – С кем не бывает! Кто плохое помянет, тому... Ну, сам знаешь.

– Да разве я поминаю? Я так... Наоборот: стараюсь поскорее забыть вчерашний вечерок, как визит в налоговую. Но когда ты, сестренка, за всю мою доброту лягнула меня в туалете своим «копытом» на платформе... Все, думаю, атас! Сейчас утоплю как кутенка, и все дела. В натуре!

Бесхитростный представитель «малого и среднего» заржал, запрокинув голову. Я искренне мечтала провалиться сквозь пол купе – хотя бы и под колеса поезда, неважно. Все равно он уже стоит!

– Вот тогда ты маленько кофточку и замочила, пришлось ее снять. Не укладывать же было тебя в мокром! Хм... Ладно, братцы-кролики, вот мы и дома.

Парень потуже затянул пояс плаща и взял с полки кожаную папку – весь его «багаж».

– Как говорится, извините за компанию! Не поминайте лихом Дрюню Старостина, если что было не в кайф... Будут проблемы – не стесняйтесь, чем смогу помогу. Фирма «Фаворит», запомнили? Это возле «Комбайна», вам там любой покажет.

Он вручил каждому по шикарной визитке с номером телефона. Тут в кармане Дрюниного плаща запищал сотовый.

– Ага, порезался! Уже соскучилась братва... – Его широкая физиономия довольно расплылась. – Да! Я. Привет, привет. Приехал, а то как же... Все нормально, Витек. Голос?... А, да это я малость перебрал вчера на радостях... Ну! Говорю же – все нормально. Потом поздравишь... Нет, подходить не надо: я пустой. Тачка на обычном месте?... Лады. Сейчас буду, жди.

Мы наскоро обменялись последними вежливыми фразами, приличествующими моменту расставания. Дмитрий Иванович, со своей замызганной спортивной сумкой, выскользнул из купе первым, Дрюня тронулся за ним.

– Девчонки, кого подвезти? Я на колесах.

Мы обе замотали головами.

– Ну, как хотите. Может, с вещичками помочь? – Старостин протянул руку к моей сумке. – Давай, Ольга Андреевна. Ты у нас женщина слабая... После всего, что было этой ночью, я чувствую за тебя ответственность.

– ... Интересно, интересно! И что же было этой ночью? – послышалось с порога купе, и в следующую секунду я, взвизгнув, повисла на шее родной сестры Полины.

– Тише, тише, ненормальная! Ты мне прическу испортишь... Бросаешься так, как будто лет сто не виделись!

Полина отодвинула от меня смеющееся лицо, расписанное следами моей помады, и повернулась к Андрею.

– Значит, она и вам успела запудрить мозги, что она «слабая женщина»? И вы купились?

– Э-э...

Старостин хлопал глазами, обалдело переводя их с Полины на меня и обратно.

– Е-мое! – наконец выдавил он. – Вроде пил вчера, а двоиться начало только сейчас...

Переглянувшись, мы с Полиной захохотали. Опять двадцать пять! Почему-то, когда люди видят малышей, похожих друг на друга как капельки воды, это ни у кого не вызывает удивления. Но когда они видят взрослых близнецов – это многих повергает в состояние шока!

– Андрюша, Ася! Это моя сестра Полина, – представила я. – А это мои попутчики, Поля. Андрей бизнесмен, а Айседора – актриса драмы. Она играла в том заумном спектакле, ты помнишь? Они не дали мне умереть от скуки в этом ужасном поезде...

Я замолкла: Полина подозрительно принохивалась.

– Я чувствую, сестренка. И, кажется, начинаю догадываться, чем вы тут занимались! – Одним «колюще-режущим» взглядом сестра пронзила меня и Дрюню одновременно. – Поначалу я совсем другое подумала, но теперь вижу: к сексу это не имеет никакого отношения!

– Ну, зачем вы так, у вас такая славная сестра... – начала было Айседора, но Полина желчно перебила ее:

– Ну конечно! Она – славная, а я монстр! Она слабая, а я – ломовая лошадь. Она только и делает, что «снимает стрессы» в приятной компании, а все последствия достаются мне!

Нет, Ольга, я с тобой с ума сойду... А вам, молодой человек, должно быть стыдно спаивать женщин, могли бы поискать себе более подходящую компанию! Посмотрите: она же на себя не похожа, еле на ногах держится!

– Полина, как ты можешь!.. Ну, это уже слишком! Андрей, скажи ей...

Но Старостин, пробормотав что-то невразумительное, бочком протиснулся к выходу и исчез за дверью так быстро, как того трудно было ожидать – с его-то весом, в прямом и переносном смыслах. Просто удивительно: до чего безошибочно люди чувствуют, что с моей дорогой сестренкой лучше не связываться!

– Как тебе не стыдно! – набросилась я на Полину. – Устроила на людях такую безобразную сцену, что теперь о нас подумают?!. Извини, Ася. Всего тебе хорошего, до свиданья!

И я, стараясь не смотреть на бывшую попутчицу, схватила свою дорожную сумку и почти бегом бросилась по коридору к выходу, расталкивая людей и расшвыривая чьи-то баулы. Я была так зла на Полину, что даже позабыла, что я – слабая женщина.

– «Что подумают, что подумают»... – услышала за спиной. – Что заслужила, то и подумают!

У самой подножки вагона Полина догнала меня.

– Ладно, хватит придуриваться. Давай сумку!

– Не надо! А то, в самом деле, превратила сестру в ломовую лошадь, – съязвила я, но сумку все-таки уступила.

В голове накатами шумел «прибой», ноги были ватными, но я быстро шла по перрону, стараясь не качаться. И не оглядываться. Полина должна прочувствовать всю неприглядность своего поступка. Так надавить на меня в первую же минуту встречи, да еще при людях! И, главное, за что?! Да ни за что! Уже нельзя человеку расслабиться в дороге, после целой недели адского труда... И этот «надсмотрщик» – моя единственная сестра, о Господи... Зануда! Ханжа!!!

– Ольга...

Ага! Уже прочувствовала, хочет мириться. Ну нет, Поленька, теперь тебе придется сильно постараться...

– Ольга... Да постой же ты, черт тебя подери!

Я остановилась так резко, что Полина чуть не налетела на меня.

– Чего тебе?

– Где твоя сумочка?

– Су... сумочка? Моя?

– Ну, не моя же! Ты что – засунула ее в большую сумку?

– Н-нет...

Я почувствовала, как мои ноги из ватных превращаются в кисельные, и вынуждена была ухватиться за сестру, чтобы не упасть.

– Полина! Я забыла ее в купе!!!

– Нет, Ольга, ты точно сведешь меня в могилу! До чего же ты бестолковая, силы небесные! Удивляюсь, как ты там свою голову не забыла или какую-нибудь другую часть! Это

было бы не удивительно: допилась вчера до чертиков с этим «бомондом», с этими прожигателями жизни... Ну, чего ты стоишь столбом, горе мое?! Беги за сумкой, если ей еще ноги не приделали!

– Полина, пойдем со мной!

– Нет уж! Я здесь постою, с вещами. Между прочим, твой баул не ватой набит! Опять набрала в Москве черт знает чего, лишь бы деньги тратить...

Я поняла, что дальнейшие препирательства с сестрой могут выйти боком мне же самой, и резво побежала обратно к девятому вагону. Боже мой! Еще не хватало лишиться сумочки! Денег там немного – после Москвы-то, но документы, записная книжка, ключи от дома... Косметичка! Нет, я этого не перенесу!

Возле вагона, из которого все еще выгружали какие-то ковры, тюки и мешки – и где только они там помещались? – стоял наш проводник. Мне показалось, что он не очень рад меня видеть.

– Опять вы, девушка? Что-нибудь забыли?

– Да, сумочку! Маленькая такая, коричневая... Вы ее не находили?

– Нет, мы еще не делали обход. Не до того, сами видите! Идите, куда она не делась, ваша сумочка.

С большим трудом я протиснулась мимо людей и вещей, заполнявших тамбур, и побежала вдоль вагона, который был уже пуст.

Дверь нашего купе оказалась плотно прикрытой. Трясу-щимися руками я дергала ручку, однако она не поддавалась. Я уже хотела бежать за проводником, но тут, наконец, что-то щелкнуло, и тяжелая дверь сдвинулась.

Первое, что я увидела, была моя «маленькая коричневая», которая лежала там же, где я ее забыла – на моей нижней полке, в уголке. У меня отлегло от сердца, и я широко распахнула дверь...

– Ася?...

Она сидела напротив моей сумочки, уронив голову с рас-трепавшимися светлыми волосами на стол. Левая рука без-жизненно висела вдоль тела, а белый шарф был почему-то обмотан вокруг шеи, спускаясь концами на спину.

– Ася, что с тобой? Тебе плохо?!

Забыв про всякую осторожность, – ведь у Айседоры на-верняка сердечный приступ, а человека с приступом нельзя трясти! – я схватила актрису за плечо и сильно потянула к себе. Тело ее подалось неожиданно легко, завалилось на бок, и женщина сползла с сиденья на пол. Тут я увидела ее лицо.

– А-а-а...

Мне показалось, что это кричу не я; крик родился не в горле, а где-то в мозгу, на уровне подсознания, по горлу же в это время поднималась отвратительная сладковатая волна тошноты. Потом все вокруг – светлый квадрат окна, купе с мертвым телом Айседоры, мои собственные руки и ноги – завертелось в бешеном круговороте, слилось в какую-то без-

образную мешанину и провалилось в темноту.

Глава вторая

Полина

Нет, моя дорогая сестричка просто невыносима! Она не может прожить и дня, чтоб не вляпаться в какое-нибудь...

Ладно, спокойно, Полина. Спокойно! Дыши глубже. Ты же знаешь: скорее Соня Горелик, самая толстая твоя клиентка в шейпинг-клубе, похудеет на пятьдесят кило, чем Ольга возьмется за ум. Сестер не выбирают. Это твой «крест», Полина, и ты уже в раннем детстве знала, что тебе нести его всю жизнь!

Давая выход последней злости, я пнула неподъемную Ольгину сумку поближе к фонарному столбу, и сама спряталась в его узкую тень. Что-то солнышко сегодня припекает не сентябрьски... А эти «москвичи» – ну, те, что с поезда, – все так тепло одеты, в плащах да куртках. Наверное, у них там холодно. Сейчас Ольга будет жаловаться, как она замерзала «в своей тонкой кофточке» – это она так называет мохеровую «шубу» на подкладке, в которой вполне можно отправляться в экспедицию на Северный полюс.

Зря я все-таки наорала на нее в первую же минуту, да еще на людях. Конечно, зря! Хоть и чужие люди, всего-навсего попутчики, а все равно неприятно. Не могла сдержаться, потерпеть хотя бы до тех пор, пока сядем в машину... И во-

обще: пора уже перестать трепать себе нервы из-за Ольги. Слава богу, уже взрослый человек! Хочет пить – пусть пьет, мое-то какое дело?! Не умеет следить за собой и за своими вещами – пожалуйста, пусть каждую неделю покупает новые сумки, кошельки и перчатки. Если у нее денег много. А я больше и слова не скажу! И тем более ни к чему ронять собственное достоинство при посторонних.

Кстати о сумках: что-то она долго там возится, в вагоне... Ну конечно, сумочку уже увели, другого просто и быть не может: это ж Ольга, у нее всегда так! Но почему тогда она не бежит с рыданиями ко мне? Странно...

Я развернулась так, чтобы видеть девятый вагон. Он был довольно далеко, но народу на перроне осталось не так уж много, основная толпа схлынула. Я различила коренастую фигуру проводника в униформе – мне запомнился этот тип, когда встречала Ольгу. Какие-то люди выходили, выносили вещи, но сестры не было видно. Интересно, в какую еще историю втяхалась эта ненормальная? Ну, появится – я ей устрою «промывание мозгов»!

Однако Ольга не появлялась, и это нравилось мне все меньше и меньше. Со все возрастающим недоумением я смотрела в сторону вагона, в котором она скрылась семь минут назад. Не будь при мне тяжелой сумки, я бы, конечно, уже давно сама добежала до него и выяснила бы, в чем дело. Но тащиться обратно с поклажей очень не хотелось: ведь до машины рукой подать!

Когда недоумение мало-помалу переросло в тревогу, я увидела, как к первому проводнику подошел второй, и они вместе исчезли в вагоне. Не прошло и двух минут, как этот самый второй кубарем скатился с подножки и помчался вдоль поезда. Меня словно ударили в сердце! Подхватив сумку, я бросилась ему наперерез так быстро, как позволяли способности ломовой лошади.

– Что там у вас случилось, в вагоне?! Там моя сестра!

Вместо ответа парень схватил себя за горло и захрипел, вытаращив глаза. Бедняга был явно не в себе. Его глаза дико блуждали, не в силах сосредоточиться на моем лице, а руки тряслись. Он хотел было пояснить свою эмоциональную «речь» словами, но не смог. Промычав нечто нечленораздельное, протянул руку в сторону девятого вагона, потом махнул ею в обратном направлении – и кинулся дальше.

Надо ли говорить, что поведение проводника отнюдь не добавило мне оптимизма? На несколько мгновений асфальт ушел у меня из-под ног, а в глазах померк солнечный свет. Теперь я не сомневалась: с моей дорогой сестренкой, с моей милой Ольгой случилось несчастье!

Я не помню, как добежала до этого чертова вагона и взлетела по подножке – разумеется, бросив сестрину сумку где-то по дороге. (Какие-то добрые «самаритяне» – в том смысле, что эти люди приехали из Самары, – случайно ставшие свидетелями драмы на перроне, через несколько минут принесли ее к девятому вагону). Первое, что я увидела в четвертом

купе, было бездыханное тело моей Оленьки, распростертое на нижней полке. Лицо, повернутое к стене, скрывали рас-трепавшиеся волосы.

В ногах у нее, подперев щеку рукой, сидел другой проводник – тот, которого я наблюдала у вагона. Увидев меня, он резво вскочил на ноги и загородил мне дорогу.

– Вам что, женщина? Сюда нельзя! Здесь труп.

– Труп?...

В любой другой момент мне не составило бы никакого труда отшвырнуть этого железнодорожного служку и достичь цели. Но сейчас... Ужасное слово «труп» лишило меня последних сил. Чтоб не упасть, я ухватила за дверь.

– Ольга... Нет, этого не может быть!!!

Эти слова, а еще пуще мой отчаянный вид о многом сказали проводнику. Он покачал головой, сочувственно глядя на меня.

– Вот оно что... Вы ее знаете?

– Знаю?... Это моя сестра, слышите, вы! Родная сестра...

– Вот оно как... Сестра... Да вы лучше выдьте, выдьте, девушка. Ни к чему вам видеть это. Эх ты, такое «ЧП» – и в нашей смене, вот уж не думали, не гадали... Вы знаете что? Вы пока в соседнем купе посидите, или прилягте. Водички вам принести? Или чайку горячего: еще не остыл...

Суетясь вокруг, человек в униформе постепенно вытеснил меня в коридор. Я не сопротивлялась. Я вообще не соображала, что делаю!.

– Вот ведь что: родная сестра... И такая еще молодая, такая красивая, эх ты... Да какой же гад руку поднял?... Так я принесу водички-то? Вы пройдите сюда...

– Не надо мне никакой водички! Что... что с ней?

– С вашей-то сестричкой? Удавлена она, бедняжка. Своим же шарфом какой-то гад удавил, вот так-то. Такое «ЧП», такое «ЧП»...

– Шарфом... Пойдите, каким еще шарфом?!

Проводник явно не ожидал подобной реакции на столь незначительную деталь: он отпрянул и захлопал глазами.

– Да своим же, я соображаю, каким еще? Ее, то есть, сестры вашей шарфом. Белый такой, длинный... Она в нем и вчера была, когда в поезд садилась. Да вот же!

Мужчина обернулся в сторону купе, и только теперь, когда он чуть-чуть отклонился, я увидела, что на другой нижней полке тоже кто-то лежит. Что-то белое, длинное свешивалось до самого пола.

Потрясающая, спасительная догадка шевельнулась в моем мозгу, но я боялась вот так, сходу, поверить в нее.

– А это еще кто там? Отвечайте! – Я прокурорским жестом указала в сторону неопознанного тела.

Проводник ошалело водил глазами между купе и коридором.

– Кто?... Да вы чего, в самом деле, женщина... Вы же сказали... она сестра ваша?!

Вцепившись в его голубую форменную рубашку обеими

руками, я притиснула беднягу к стенке.

– Значит, там, в купе, лежат две женщины, так? Отвечайте быстро и четко, или... Или я, черт подери, за себя не отвечаю! Так их две?

– Ну-у... Известно, две. Одна – это та, которая... Ну, а другая...

– Молчать! Отвечать только на мои вопросы! Одна женщина – это убитая, так? Которая с белым шарфом, блондинка? Да или нет?!!

– Да отцепись ты, чокнутая! Караул... Да, да!

– А другая девушка? Что с ней? Да говори же ты, чертов молчун!

– Тьфу ты, чума болотная! Вцепилась, как черт в грешную душу... Обморок у нее.

– Об... обморок?

– Ну! За сумочкой она вернулась – забыла, говорит. Видать, заскочила, увидала покойницу, да и отключилась. Ну да, точно: это, значит, она орала! Я услышал снаружи, да не понял, где кричали: на перроне такой шум-гам... Сейчас оклемается... Эй, женщина! Ты что – рехнулась с горя, что ли?!

Честно говоря, у мужика были все основания для подобного заявления: не выпуская его рубашки, я ткнулась лбом ему в грудь и затряслась в беззвучном смехе, который то и дело прерывался судорожными всхлипами. Через несколько мгновений голубая рубаха проводника была мокрой от слез.

Такого со мной никогда еще не было! Впрочем, я еще никогда и не переживала такого...

– Постой-ка! – Проводник схватил меня за руки. – Так что же: твоя сестра, выходит, – эта, другая? Которая в обмороке?... Вот оно что! А я тебя чуть до инфаркта не довел, дурень! И ты тоже хороша: трясешь меня, как грушу, совсем мозги запудрила...

Но я его больше не слушала: отодвинув дядечку с дороги, я влетела в купе и припала к телу своей «умершей», а потом снова воскресшей сестры. Я гладила его, трясла и похлопывала, непрерывно смеясь и шепча всякие глупости. «Тело» пошевелилось, издало слабый прерывистый вздох, и наконец открыло глаза.

– По... лина... Я... не умерла?...

– Ольга! Ты... бестолковая, беспомощная, ужасная девочка. Ты меня с ума сведешь! Я... я так тебя люблю!

Потом набежала целая куча милицейских чинов, приехали следователи из прокуратуры, фотографы, врач и прочие необходимые и неизбежные в таких случаях люди. Нас с Ольгой выдворили в пустое купе, где мы принимали бесконечных «визитеров» и отвечали на их бесконечные вопросы. Впрочем, «отвечали» – сильно сказано: занималась этим в основном я, Ольга же на каждом слове вздыхала, через каждые два на третьем принималась реветь и несколько раз была близка к тому, чтобы снова упасть в обморок. А ведь именно

она, а не я, была главным свидетелем!

Через полчаса этого кошмара мимо неплотно притворенной двери нашей «камеры» пронесли носилки, накрытые простыней, и моя сестрица опять зашлась рыданиями. Молодой следователь скривился, как от зубной боли, и, извинившись, вышел. Скорее всего, его «неотложное дело» было лишь предлогом: просто бедняга не хотел, чтобы его смыло «Ниагарским водопадом» слез.

– Бедная, бедная Ася! Я до сих пор в себя не приду. Как подумаю, что могла бы столкнуться здесь с убийцей... Поля, какой ужас!

Я скептически хмыкнула. Моя дорогая сестренка в своем репертуаре: хотя она и в самом деле потрясена ужасной смертью этой дамочки, своей попутчицы, но трусость в ней всегда одерживает верх над всеми прочими чувствами. Однако про себя не могла не признать, что в опасениях Ольги был резон. Она действительно могла напороться на того парня, который придушил эту самую Палискиене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.